

1812-ЫЙ ГОДЪ.

Послѣдніе дни командованія Барклаемъ 1-й и 2-й западными арміями.

Періодъ со времени окончанія боевъ подъ Смоленскомъ 8-го августа до прибытія къ арміямъ Кутузова 17-го августа).

8-го августа послѣдовало назначеніе *Кутузова* „общимъ главнокомандующимъ надъ всѣми дѣйствующими арміями“. Въ тотъ же день наша 1-ая и 2-ая западныя арміи, послѣ цѣлаго ряда кризисовъ, пережитыхъ ими сначала для удержанія *Смоленска*, а затѣмъ для выхода и удержанія за собой большой Московской дороги, соединились, наконецъ, вновь на этой дорогѣ, у пересѣченія ея р. *Днѣпромъ*, у *Соловьевой переправы*.

День назначенія *Кутузова* совпалъ такимъ образомъ съ вторымъ соединеніемъ нашихъ армій и съ постановкой ими новой цѣли.

Съ этого дня силой неотвратимыхъ обстоятельствъ русская армія была вынуждена, раньше или позже, такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ въ ближайшемъ будущемъ, прибѣгнуть къ рѣшительному и генеральному сраженію, такъ какъ французская армія объектомъ дальнѣйшихъ дѣйствій ставила отнынѣ *Москву*. Открытымъ оставался только вопросъ: когда и гдѣ именно дадимъ мы отпоръ *Наполеону*; и то и другое силой вещей должно было быть отложено до наиболѣе благопріятныхъ условій силы, мѣста и времени.

Выйдя изъ всѣхъ трудностей и кризисовъ подъ *Смоленскомъ* и по оставленіи его, перейдя на лѣвый берегъ *Днѣпра*, выйдя изъ сферы движеній и дѣйствій противника и не испытывая болѣе его непосредственнаго давленія, Барклай проникается убѣжденіемъ и рѣшимостью дать здѣсь генеральное сраженіе *Наполеону*. Этой рѣшимостью *Барклай* полонъ въ дни 8-го, 9-го и еще въ утро

10-го августа, когда онъ пишетъ графу *Ростопчину*: „Послѣ отступленія армій отъ *Смоленска* нынѣшнее положеніе дѣлъ, чтобы судьба наша была рѣшена генеральнымъ сраженіемъ. Мы въ необходимости возлагать нашу надежду на генеральное сраженіе.

Всѣ причины, воспретившія давать оное, нынѣ уничтожаются. Мы принуждены взять сію рѣшительную мѣру. Отечество можетъ избавиться отъ опасности общимъ сраженіемъ, къ которому мы съ кн. *Багратиономъ* избрали позицію у д. *Умолье*“¹⁾.

Однако къ полудню эта рѣшимость какъ бы оставляетъ *Барклай* и онъ позднѣе доноситъ Государю: чтобы предупредить случайности какого-либо слишкомъ поспѣшнаго предпріятія, я буду вмѣстѣ съ кн. *Багратиономъ* стараться избѣгать генеральнаго сраженія. Однакоже мы въ такомъ положеніи, что сомнѣваемся въ этомъ успѣхѣ“. Слѣдовательно, въ сраженіи *Барклай* видитъ лишь крайнее и нежелательное средство, даже опасное, и считаетъ успѣхомъ—избѣжать его.

Несомнѣнно, что пока французы были далеко, *Барклай* полонъ рѣшимости дать бой, а съ ихъ приближеніемъ рѣшимость его падаетъ и именно такъ объясняетъ рядъ послѣдующихъ событій до прибытія армій къ *Цареву-Займищу*, бывший при штабѣ 1-ой арміи, столь извѣстный впослѣдствіи военный мыслитель, офицеръ прусскаго генеральнаго штаба *Клаузевицъ*, считавшій и эту позицію довольно сильной²⁾.

Послѣ оставленія *Смоленска* идея прекратить отступление и заградить дальнѣйшее движеніе *Наполеона* стала общей во всей арміи, и естественно тому должна была служить первая встрѣтившаяся позиція, каковой и была позиція на р. *Ужъ*.

Но дѣло было не въ позиціи, а, во-первыхъ, въ несвоевременности сраженія, во-вторыхъ, въ отсутствіи единства, въ постоянномъ разногласіи между двумя главнокомандующими и въ отсутствіи у *Барклая* опредѣленной цѣли дѣйствій, отвѣчавшей обстановкѣ и въ его колебаніяхъ, хотя въ рѣшительную минуту расчетъ повидимому бралъ у него верхъ надъ всѣми остальными побужденіями.

Общій осмотръ на р. *Ужъ* привелъ къ тому, что рѣшено ее оставить и отойти на предложенную кн. *Багратиономъ* позицію у *Дорогобужа*, а задержаніе непріятеля возложено на казачьи полки

¹⁾ Читатъ слѣдуетъ д. *Усывятъ*, такъ какъ у д. *Умолье* было возможно дать бой 8-го, но 9-го и 10-го арміи отошли на р. *Ужу*, гдѣ у д. *Усывятъ* и готовили позицію.

²⁾ *Клаузевицъ* по всей справедливости долженъ быть поставленъ первоисточникомъ, какъ очевидецъ и участникъ, а по его уму, знаніямъ и объективности—еще и какъ первоисточникъ большой цѣнности.

Платова, подкрѣпленные слабымъ въ 7 баталіоновъ съ 4-мя орудіями арріергардомъ *барона Розена*, что конечно было недѣйствительно. Вечеромъ Вел. Кн. Константинъ Павловичъ оставилъ армію и повезъ Государю письмо *Ермолова*, въ которомъ послѣдній, порицая операціи *Барклая* къ *Портчю* и *Руднѣ* и характеризуя дѣйствія армій съ 3-ье по 7-ое августа, повергаетъ на усмотрѣніе Императора вредное вліяніе на войска непрерывнаго отступленія, тяжесть и безцѣльность маршей, вызывающихъ ропотъ въ войскахъ и неудовольствіе на главнокомандующаго, и докладываетъ о неизбежной необходимости въ ближайшемъ будущемъ генеральнаго сраженія. Далѣе, дальновидный *Ермоловъ*, предвидя въ будущемъ возможность занятія французами *Москвы*, высказываетъ личное мнѣніе свое о значеніи занятія французами первопрестольной столицы нашей и докладываетъ: „не все Москва въ себѣ заключаетъ и съ паденіемъ столицы не разрушаются всѣ государства способы“ и заканчиваетъ словами: „дарованіямъ главнокомандующаго здѣшной арміи мало есть удивляющихся, еще менѣе имѣющихъ къ нему довѣренность, войска же и совсѣмъ ее не имѣютъ“.

Между тѣмъ французская армія, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, форсируетъ *Днѣпръ*, переходитъ его и только на полпути къ р. *Ужѣ*, у с. *Михайлово*, нашъ слабый арріергардъ лишь нѣсколько задерживаетъ противника до ночи, но въ 3 часа дня слѣдующаго дня 11-го августа французы появляются передъ нашимъ расположеніемъ на р. *Ужѣ*. Согласно рѣшенію *Барклая* еще 10-го, онъ отходитъ въ ночь на 12-ое къ *Дорогобужу* и *Бражину*, оставивъ на р. *Ужѣ* тотъ же слабый арріергардъ, обезпеченный теперь слѣва арріергардомъ кавалерія отъ II-ой арміи. Арріергардамъ вообще указывалось не ввязываться въ бой и держаться въ переходѣ отъ арміи.

Преслѣдуя теперь общую задачу отступленія уже къ *Вязьмѣ*, *Барклай* принимаетъ мѣры „на случай“ возможнаго боя у *Дорогобужа*, остается недоволенъ позиціею и расположеніемъ войскъ и рѣшаетъ въ три перехода достигнуть *Вязьмы*. Справедливо уклоняясь отъ рѣшительнаго боя, *Барклай*, тѣмъ не менѣе, исходя изъ предвзятаго мнѣнія, что *Наполеонъ* намѣренъ упредить его въ *Вязьмѣ*, ставитъ цѣлью скорѣйшее достиженіе *Вязьмы*, а не возможную задержку дальнѣйшаго здѣсь наступленія противника для столь необходимаго для насъ выигрыша времени.

Не рѣшивъ еще вполне опредѣленно и окончательно не отходить далѣе *Вязьмы*, *Барклай* облюбовалъ идею подготовки въ

Вязьмъ укрѣпленнаго на 25.000 чел. опорнаго пункта (что слѣдовало исполнить въ Смоленскѣ), опираясь на который сохранить съ остальными силами свободу дѣйствій.

„Непріятель съ многочисленнѣйшей кавалеріею старается обходить наши фланги“, пишетъ *Барклай Ростопчину*, „и предупредить насъ прибытіемъ въ *Вязьму*, почему спѣшу туда съ арміею слѣдовать и выступая сего (12-го) ночью и выбравъ тамъ позицію, буду ждать арміи непріятельной“. Прикрываясь 3-мя арріергардами, арміи, слѣдуюя тремя колоннами, въ два перехода достигли линіи сс. *Афанасьева, Семенова, Лужки*. Князь *Багратионъ*, негодуя на спѣшность и безостановочность отступленія, выражаетъ *Ростопчину* свои чувства: „Все его отступленіе для меня и для арміи нестижимо, снимайся съ позиціи и бѣги и въ жаръ и по ночамъ назадъ, моримъ людей и на пагубу несемъ (непріятеля) за собой. Боюсь, чтобы Москва также не потерпѣла, какъ Смоленскъ“.

Слабый арріергардъ, не задерживаясь, отходитъ за главными силами и только 13-го даетъ бой на р. *Осьмъ* (близъ *Дорогобужа*), гдѣ удерживается до ночи, быстро отойдя 14-го на значительное разстояніе до второго пересѣченія р. *Осьмой* Московской дороги, хотя свойства мѣстности способствовали задержать здѣсь противника на продолжительное время и исчезло всякое опасеніе упрежденія насъ Наполеономъ у *Вязьмы*. Еще 14-го утромъ *Барклай* остается въ намѣреніи задержать Наполеона у *Вязьмы* и доносить Государю, что „настала минута, гдѣ наше наступленіе должно начаться“. Между тѣмъ необходимость дать отдыхъ войскамъ, не имѣвшимъ отдыха все это время, и дать время выбраться жителямъ требовала пріостановки отступленія хотя на время, и *Барклай* рѣшилъ дать дневку 15-го, но не усиливаетъ арріергарды и не указываетъ имъ гдѣ-либо задерживаться. Быстрое отступленіе арріергарда на главныя силы вынуждаетъ армію поспѣшно сняться и продолжать отступленіе, что вызываетъ новое общее недовольство и спѣшку. Бросивъ идею пріостановки у *Вязьмы* и не усиливая арріергарды, *Барклай* продолжаетъ спѣшное отступленіе 15-го къ *Вязьмъ*, 16-го къ с. *Федоровскому* и 17-го къ *Цареву-Займищу*. Общее недовольство арміи достигаетъ высокой степени и его раздѣляетъ и населеніе. 15-го слабый арріергардъ нашъ задерживаетъ противника на р. *Осьмъ*, геройски дерется здѣсь у сс. *Бѣломорскаго* и *Лужки* цѣлый день до вечера, а 16-го отходитъ за *Вязьму* и далѣе, исполнивъ отступленіе довольно спѣшно и живо преслѣдуемый войсками авангардовъ противника, который побуждался Наполеономъ къ безостановочному слѣдованію.

Барклай, видимо, принялъ на этотъ разъ твердое рѣшеніе дать здѣсь у Царево-Займище генеральное сраженіе и началъ укрѣплять позицію. „Начались работы инженеровъ и армія заняла боевое расположение“, говоритъ *Ермоловъ*. Много разъ наша армія, приготавливаемая къ сраженію, переставала уже вѣрить возможности онаго, хотя желала его нетерпѣливо, но приостановленное движеніе арміи, ускоренныя работы показывали, что намѣреніе *Барклая* рѣшительно, и всѣ вернулись къ надеждѣ видѣть конецъ отступленія.

Получено извѣстіе о назначеніи *Кутузова* Главнокомандующимъ всѣми арміями и о скоромъ прибытіи его изъ *Петербурга*. „Сомнительно, чтобы Главнокомандующій (*Ермоловъ* говоритъ о *Барклаѣ*) не имѣлъ извѣстій о назначеніи *Кутузова*. Ускореніе работъ на позиціи обнаруживаетъ намѣреніе его дать сраженіе до его приѣзда. Какъ военный министръ, онъ зналъ, что армія подкрѣпленій (т. е. у Царево-Займище) имѣть не будетъ, что *Кутузовъ* равными, какъ и онъ, распоряжая способами, не большую можетъ допускать надежду на успѣхъ, рѣшился предупредить его въ томъ, что конечно было поставлено на видъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ“.

Въ своемъ трудѣ, составленномъ для личнаго пользованія Императора *Александра* и для оправданія своихъ дѣйствій, озаглавленномъ „Изображеніе военныхъ дѣйствій въ 1812-мъ году“, *Барклай* такъ представляетъ свою дѣятельность 17-го: „17-го прибыли сюда (въ Царево) обѣ арміи; расположенныя въ небольшомъ пространствѣ, имѣли передъ собой открытое пространство, на коемъ непріятель не могъ скрывать своихъ движеній; въ 12-ти верстахъ отъ сей позиціи была другая удобная у *Гжатска*; *Милорадовичъ* прибывалъ 18-го съ своими резервами. Всѣ сіи причины были достаточны къ уготовленію тамъ (т. е. у Царева-Займище) рѣшительнаго сраженія; я твердо рѣшился на томъ мѣстѣ исполнить оное“¹⁾. Излагая свою дѣятельность 17-го до прибытія *Кутузова*, далѣе онъ говоритъ: „ибо въ случаѣ неудачи, могъ я удержаться подъ *Гжатскомъ*“. Далѣе *Барклай* говоритъ о построеніи на позиціи у *Царева-Займище* нѣсколькихъ редутовъ на фронтѣ и флангахъ, усиленіи арріергарда 3-ей дивизіею и объединеніи командованія арріергардами въ рукахъ *Коновницына*, что, замѣтимъ, слѣдовало исполнить *Барклаю* еще 8-го августа и тогда арміи и населеніе получили бы все необходимое для нихъ время и не было бы всей этой спѣшки, форсировки и неустройствъ разнаго рода.

*Щербининъ*²⁾ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспомнаніяхъ объ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ *Щербининъ*—офицеръ квартирмейстерской части.

опасности принятія сраженія у *Царева-Займище*. „Приходимъ въ лагерь“, говоритъ онъ, „рѣчка съ чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линій нашихъ. Слишкомъ опасно принять сраженіе въ такой позиціи. Не менѣе того, *Барклай* на то рѣшиться хочетъ. *Толь* до такой степени убѣжденъ въ опасности этого лагеря (т. е. боевого расположенія), что бросается передъ *Барклаемъ* на колѣни, чтобы отклонить его отъ намѣренія сражаться здѣсь. *Барклай* не внимаетъ его убѣжденіямъ, но вдругъ извѣщается о прибытіи *Кутузова*“.

Нѣсколько часовъ спустя по вступленіи войскъ въ лагерь у *Царева-Займище*, *Барклай* получаетъ Высочайшій рескриптъ о назначеніи *Кутузова*, въ которомъ Императоръ обращается къ Барклаю: „Я увѣренъ, что любовь Ваша къ Отечеству и усердіе къ службѣ откроетъ Вамъ и при семъ случаѣ путь къ новымъ заслугамъ“.

Въ тотъ же день *Барклай* доноситъ Государю о полученіи рескрипта и всеподданнѣйше присоединяетъ: „Всякій вѣрноподданный и истинный слуга Государя и Отечества долженъ ощущать истинную радость при извѣстіи о назначеніи новаго Главнокомандующаго, который уполномоченъ всѣ дѣйствія вести къ одной цѣли. Примите, Всемилостивѣйшій Государь, выраженіе радости, которою я исполненъ. Возсылаю мольбы, чтобы успѣхъ соответствовалъ намѣреніямъ Вашего Величества. Что касается до меня, то я ничего иного не желаю, какъ пожертвованіемъ жизни доказать готовность мою служить Отечеству во всякомъ званіи и достоинствѣ. Не намѣренъ я теперь, когда наступаютъ рѣшительныя минуты, распространяться о дѣйствіи арміи, которая была мнѣ ввѣрена, успѣхъ докажетъ, могъ ли я сдѣлать что-либо лучше для спасенія Государства. Если бы я былъ руководимъ слѣпымъ, безумнымъ честолюбіемъ, то, можетъ быть, Ваше Императорское Величество изволили бы получать донесенія о сраженіяхъ и, не взирая на то, непріятель находился бы подъ стѣнами Москвы, не встрѣтя достаточныхъ силъ, которыя могли бы ему сопротивляться“.

При такихъ условіяхъ и въ *Царевъ-Займище* кончилось главное командованіе *Барклаемъ* двумя Западными арміями. Прошло сто лѣтъ, и дѣйствія *Барклая* за время его командованія принадлежатъ исторіи.

Историкъ *Поповъ* по поводу окончанія этого командованія съ пріѣздомъ *Кутузова* къ арміямъ высказываетъ слѣдующій суровый надъ *Барклаемъ* приговоръ: „Такъ кончилось командованіе *Барклая*, грозившее гибелью обѣимъ арміямъ, чего Императоръ, при всемъ

своёмъ расположеніи къ *Михаилу Богдановичу*, далѣе не могъ допустить“.

Далеко не раздѣляя всецѣло этого приговора, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ немъ заключается своя извѣстная доля справедливости. Оцѣнивая здѣсь періодъ только послѣднихъ всего девяти дней командованія *Барклаемъ* двумя арміями, замѣтимъ прежде всего, что на всемъ протяженіи этого времени Барклай не имѣлъ строго и ясно опредѣленнаго общаго и одинаго плана дѣйствій, все это время имѣя цѣлую серію плановъ дѣйствій, находясь постоянно въ поискахъ и оцѣнкѣ позади себя позицій, которымъ онъ придавалъ несоотвѣтственное положенію дѣлъ значеніе, при чемъ рѣшимость *Барклая* дать сраженіе на той или другой позиціи каждый разъ падала съ приближеніемъ противника и приближеніемъ времени боя, почему въ тылу подыскивалась новая позиція, прежняя поспѣшно бросалась, и арміи, слабо обезпеченныя малочисленнымъ и несоотвѣтственно руководимымъ арріергардомъ, торопливо отходили на новую позицію, у которой разыгрывалась та же исторія, и такъ дѣло шло до *Царево-Займище* и вѣроятно протянулось бы до *Гжатска*.

Нигдѣ на выбранныхъ *Барклаемъ* позиціяхъ, ни у д. *Умолье*, ни на р. *Ужь* у д. *Усвятъе*, ни у *Вязьмы*, ни у с. Федоровскаго, ни у *Царева-Займище* и *Гжатска*, нигдѣ принятіе генеральнаго сраженія не отвѣчало общему положенію дѣлъ, не говоря уже о томъ, что никакими достоинствами позиціи нельзя было поправить общее положеніе дѣлъ и склонить шансы успѣха на нашу сторону.

Единственный,—отвѣчавшій всѣмъ условіямъ обстановки, планъ дѣйствій—*возможный выигрышъ времени, избѣгая общаго сраженія*, никогда за этотъ періодъ Барклаемъ не принимался, не говоря уже во всей цѣльности и полнотѣ, а постоянныя колебанія и перемѣны плана дѣйствій привели къ тому, что мы съ малымъ сопротивленіемъ противнику, скачками, спѣшно и въ хлопотахъ отступая въ теченіе 9-ти всего сутокъ отдали огромное пространство отъ *Соловьевой* переправы до *Царево-Займище*, сражаясь у себя и имѣя возможность задерживать противника на значительное время на каждомъ рубежѣ, лишая его одновременно всякой возможности пользоваться мѣстными средствами, въ чемъ онъ настоятельно нуждался; всякая пріостановка на болѣе или менѣе продолжительное время и вслѣдствіе этого сосредоточеніе войскъ, столпленіе ихъ у мѣста остановки стѣсняло армію Наполеона въ пользованіи мѣстными средствами, что, въ свою очередь, вызывало ее на лишенія, губельно отражавшіяся на арміи.

Дорогое въ данныхъ условіяхъ время не было выиграно во всей возможной и необходимой полнотѣ, еще менѣе удержано пространство, а выигрышъ того и другого былъ совершенно посвященъ нашей арміи 1812 г., и условія мѣстности, особенно между Дорогобужемъ и Вязьмой, достаточно тому отвѣчали, а этотъ выигрышъ, имѣя первоклассное значеніе, былъ необходимъ, какъ важнѣйшее условіе, какъ—спасенія Москвы, такъ и подготовки неизбежно предстоявшаго общаго и рѣшительнаго сраженія ¹⁾, такъ какъ чѣмъ позже было бы оно дано, тѣмъ болѣе были бы мы къ нему готовы, и тѣмъ выгоднѣе сложились бы для насъ условія силы, мѣста и времени, и тѣмъ вѣроятнѣе было бы спасеніе Москвы.

Въ виду естественной убыли во французской арміи отсталыми, больными и отъ лишеній, еще и потерь на фуражировкахъ и въ арріергардныхъ дѣлахъ и особенныхъ лишеній на маршѣ отъ Смоленска къ Вязьмѣ, которыя все увеличивались, и нашего, наоборотъ, прогрессивнаго усиленія, было чрезвычайно важно возможно оттягивать время наступленія рѣшительнаго сраженія, а потому дать сраженіе у Царева-Займище являлось весьма нецѣлесообразнымъ, а между тѣмъ Барклай настаивалъ на этомъ сраженіи.

Далъ ли бы Барклай въ дѣйствительности это сраженіе, если бы не прибылъ Кутузовъ, или нѣтъ, остается неизвѣстнымъ, но возможно, что отходилъ бы далѣе, тѣми же скачками, не задерживая и не выигрывая время.

Многое конечно можно сказать въ оправданіе Барклая: сложная обстановка войны 1812-го года, несоотвѣтственная организація верха арміи, необъединеніе въ его рукахъ полной власти, тяготѣніе столицы, треніе его съ княземъ Багратиономъ, сознаніе тактическаго превосходства арміи противника, управляемой величайшимъ геніемъ, и постоянное опасеніе какого-либо новаго искуснаго маневра великаго полководца, что вынуждало Барклая уклоняться отъ боя даже своими арріергардами, которымъ постоянно указывалось „не ввязываться въ серьезный бой“, но безъ чего однако естественно нельзя было и задерживать дальнѣйшаго наступленія арміи Наполеона, а слѣдовательно и выигрывать время.

Слѣдуетъ конечно также принять въ расчетъ трудное, состоящее изъ ряда кризисовъ время командованія Барклая, начиная съ 12-го іюня и все послѣдующее время, время столь тяжелыхъ условій личнаго положенія Барклая во главѣ двухъ армій.

¹⁾ Говоримъ—„неизбѣжно“ потому, что никто тогда не рѣшился бы взять на себя отвѣтственность отдать Москву безъ боя, но это еще не значитъ, чтобы мы утверждали, что его вообще нельзя было бы избѣжать.

Во всякомъ случаѣ за *Барклаемъ* навсегда остается заслуга сохраненія арміи въ цѣлости, но эта заслуга была бы безусловной и, скажемъ, громадной, если бы *Барклай*, избѣгая общаго сраженія, къ 17-му августа не пустилъ *Наполеона* далѣе *Дорогобужа* или *Славково*, или привелъ бы эту цѣльную армію къ *Цареву-Займище* двумя, въ крайности—хотя бы недѣлей позже. И тогда еще вопросъ, дошелъ ли бы *Наполеонъ* до *Москвы*.

Честный, скромный, скорѣе застѣнчивый, простой, непритязательный, безхитростный, замкнутый, необщительный и скорѣе недоступный чужимъ вліяніямъ, спокойный и храбрый въ опасности, таковъ былъ *Барклай* по отзывамъ и представленіямъ большинства знавшихъ его лицъ, но все же не отвѣчавшій идеалу русскаго главнокомандующаго, особенно же въ исключительныхъ условіяхъ войны 1812-го года.

Не отличаясь рѣшительностью въ широкомъ значеніи слова, *Барклай* постоянно находился подъ гнетомъ заботъ, неудачи дѣйствовали на него подавляющимъ образомъ, и онъ не умѣлъ скрывать ни заботы, ни волновавшихъ его чувствъ. „На его всегда печальномъ и озабоченномъ лицѣ“, свидѣтельствуеъ *Клаузевицъ*, „каждый солдатъ читалъ безъисходное положеніе арміи и государства“.

Хорошо въ военномъ отношеніи подготовленный теоретически и практически, будучи въ нашей арміи во многомъ передовымъ, *Барклай* не отличался глубокимъ умомъ и дальновидностью; „avec son intelligence un peu étroite“, какъ его изображаетъ *Клаузевицъ*, *Барклай* не былъ богатъ идеями и комбинаціями, не оцѣнивалъ и не понималъ сущности условій обстановки войны 1812-го года и все время отчаявался въ благопріятномъ исходѣ войны и даже въ то время (даже въ октябрѣ), когда это понималось уже въ массѣ; въ частности, это непониманіе выразилось въ періодѣ съ 8-ое по 17-ое августа въ непримѣненіи отвѣчавшаго обстоятельствомъ плана дѣйствій.

Барклай не имѣлъ русскаго имени и русскаго облика (и можетъ быть сознаніе этого дѣлало его еще болѣе замкнутымъ и необщительнымъ), что было вредно уже по одному тому, что подавало поводъ къ разнообразнымъ и многочисленнымъ навѣтамъ, толкованіямъ и обвиненіямъ въ массахъ вплоть до возможности измѣны, но *Барклай* не былъ иностранцемъ въ рядахъ русской арміи, подобно *Беннигсену*, *Ланжерону*, *Винценгероде*, *Вольцогену*, *Пфулю*, *Ланжерону*, *Мишо*, *Клауззвицу*, *Гофману* и другимъ подобнымъ.

Уроженецъ нашихъ Балтійскихъ губерній, съ молодыхъ лѣтъ въ строю нашей арміи, участникъ съ отличіемъ ряда войнъ, *Барклай* былъ вполнѣ русскій офицеръ, но принадлежавшій къ многочисленной тогда, какъ и нынѣ, категоріи такъ называемыхъ русскихъ нѣмцевъ, при чемъ *Барклай* отличался еще и дурнымъ произношеніемъ русскаго языка и предпочтеніемъ изъясняться по-нѣмецки.

Да впрочемъ вопросъ заключался не въ происхожденіи и не въ нерусскомъ обликѣ *Барклая*, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ арміи съ 1807-го года, а въ складѣ его ума и характера.

Оцѣнивая *Барклая*, какъ главнокомандующаго въ исключительныхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствахъ войны 1812-го года вообще и августа мѣсяца въ частности, слѣдуетъ признать, что *Барклай*, при всѣхъ достоинствахъ и заслугахъ, не отвѣчалъ этимъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ войны 1812 года, что онъ не былъ на высотѣ положенія и по всей справедливости долженъ былъ уступить главное командованіе *Кутузову*, неизмѣримо превосходившему *Барклая* своими природными дарованіями, особенно своимъ умомъ, яснымъ и здравымъ, и, одновременно, тонкимъ, шириной и глубиной взгляда, затѣмъ громаднымъ опытомъ, превосходнымъ знаніемъ человѣческаго сердца, знаніемъ свойствъ и качествъ русской арміи, дальновидностью, даромъ обнять общее положеніе дѣлъ и схватить сущность этого положенія, даромъ повелѣвать,—господствовать, необходимымъ особенно въ данныхъ условіяхъ авторитетомъ въ арміи и въ имперіи, умѣньемъ пользоваться людьми и обстоятельствами и, наконецъ, вообще даромъ главнаго командованія русской арміею въ чрезвычайной, трудной и сложной обстановкѣ войны 1812-го года.

Б. Колубакинъ.

